

Сергей Петров

БАКУНИН

ПЯТЫЙ РИМ

Сергей Петров

БАКУНИН

ПЕРВЫЙ ПАНК ЕВРОПЫ

РОМАН-ВЕРСИЯ

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2018

УДК 32.019.57
ББК 63.3(2)52
П 30

Оформление переплета М. Левыкина

Художник В. Мироненко

Петров С.

П 30 Бакунин. Первый панк Европы. Роман-версия. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — С. 320.

ISBN 978-5-9500936-2-3

Перед вами новый взгляд на фигуру русского анархиста и революционера М.А. Бакунина. Вы узнаете о тёмной и светлой стороне Апостола Анархии. Вы побываете на светских тусовках, поучаствуете в революционных собраниях, научитесь искусству вербовки и конспирации, посидите в тюрьмах, совершите дерзкий межконтинентальный побег. Мишель Бакунин расскажет вам — каково это, жить по-панковски в XIX веке. Вы проникнитесь величием его духа, узнаете к чему приводят бескомпромиссное отношение к себе и компромисс с властью. Эта книга — не просто исследование жизнедеятельности философа и революционера М.А. Бакунина. Это — одновременно саркастическое и трогательное повествование о судьбе человека, пожертвовавшего не только благополучной жизнью, но и совестью ради светлых и недостижимых идеалов. Пожертвовавшего легко, смешно, героически.

**УДК 32.019.57
ББК 63.3(2)52**

© Петров С. П., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™,
2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ISBN 978-5-9500936-2-3

Эту книгу я посвящаю всем тем,
кто ее ждал, кто в нее верил

У писателя Сергея Петрова богатая биография и солидный жизненный опыт, а это неперемное условие успешного литературного труда.

Кабинетные сочинители, как правило, плохо знают реальную жизнь. Сергей Петров знает хорошо. Работа о революционере и философе Михаиле Александровиче Бакунине — отличный пример свежего, индивидуального взгляда на судьбу главного анархиста планеты.

Книга избавлена от скучного академизма, и что еще ценнее — в ней нет саморекламы и попыток назойливого авторского самоутверждения. Вдобавок она злободневна и актуальна: идеи анархии милы многим сердцам и умам. В ней собран исчерпывающий материал, должным образом проанализированный и переосмысленный.

Я бы хотел, чтобы эта книга произвела общественный эффект, поскольку в фигуре русского философа Михаила Бакунина история новой России преломляется самым парадоксальным образом.

Писатель и сценарист Андрей Рубанов.

Предисловие

О нем написаны сотни трудов. В его честь названы улицы и проспекты. Памятники, бюсты, почтовые марки, открытки. На театральных подмостках РАМТ который год дают трилогию Тома Стоппарда «Берег Утопии», уникальный проект протяженностью в десять часов. В Санкт-Петербурге оригиналы-предприниматели назвали его именем пивной бар.

Но что нам известно о нем?

Михаил Александрович Бакунин — мощный бородастый муж, смахивающий, при беглом взгляде, на Маркса. Анархист? Таким его подавали нам при Советской власти, таким его многие представляют и теперь.

Несомненно, анархист, даже классик анархизма. Причем анархизм его — не просто политическое учение. Это философия, это религия, это стиль жизни. Впрочем, pardon, Михаил Александрович! Религию на последнем десятке лет своей жизни Вы люто ненавидели.

Вот что писал о его разносторонних философских и политических выкрутасах Николай Бердяев в своей «Русской идее»:

«Человек стал человеком через срывание плодов с древа познания добра и зла. Есть три признака человеческого развития: 1) человеческая животность, 2) мысль, 3) бунт. Бунт есть естественный признак поднявшегося человека. Бунту придается почти мистическое значение. Бакунин был также воинствующим атеистом, он изложил это в книжке «Бог и государство». Для него государство

опирается главным образом на идею Бога. Идея Бога — отречение от человеческого разума, от справедливости и свободы. «Если Бог есть, человек — раб». Бог мстителен, все религии жестоки. В воинствующем безбожии Бакунин идет дальше коммунистов...»

А вот что касается стиля жизни:

«... Зимой и летом он носил все тот же костюм, никогда не сменявшийся и состоявший из тяжелых, стоптанных сапог, в голенища которых опущены были панталоны, поддерживающиеся только не туго затянутым ремнем, из серой развевающейся накидки необычной формы, без талии, застегнутой на одну верхнюю пуговицу. Бычью шею окутывал свободный, плохо повязанный кусок материи, из-за которой местами выглядывал ненакрахмаленный поношенный воротник, просившийся в стирку. На голове — знаменитая мягкая серая фетровая шляпа, имевшая такой вид, точно она никогда не была новой. Этих сапог, этих панталон, этой накидки, этого фуляра, этой шляпы Михаил Бакунин никогда не снимал, даже ночью, так как он спал не раздетый на доске, положенной на низкие козлы и покрытой тюфяком. Эти сапоги, эти панталоны и эта накидка хранили на себе следы грязи всех пережитых зим и пыли всех пережитых лет... точно так же и запущенная борода часто могла служить обеденным меню прошедшей недели».

Это описание принадлежит одному из его коллег по революционной борьбе — Анри Арну, поистине панковское описание.

Таким Бакунин и предстанет на страницах этой книги — истинным панком девятнадцатого века, разгильдяем и плутом.

На первый взгляд кажется, что для него нет ничего святого. Еще бы! Он играет судьбами близких ему людей

и заставляет страдать женщин. Он богохульствует. Он величает религиозных сектантов и разбойников. Он то поднимает, то гробит революционное движение. И плевать ему не то чтобы на порядочность и благородство, на честь революционера ему плевать!

Как он ведет себя, переданный в 1851 году австрийскими властями царскому режиму за участие в европейских революциях? Выставляет грудь колесом, приклонившись к холодной стене, и требует немедленного расстрела?

Да нет. Он идет на сделку с режимом.

И пишет самый настоящий «нон-фикшн» девятнадцатого века под названием «Исповедь». Для одного читателя пишет. Зовут читателя Николай Первый.

Полнейшее раскаяние, беспощадная ирония над собой, если не надругательство. Все по-панковски. Ни дать ни взять. На жизнь плевать, но жизнь мы любим.

А потом этот непримиримый революционер и вовсе чуть не становится орудием в руках царизма, палит по своим, по революционерам то бишь палит. И пасквильные статейки в европейских газетах тех лет, обвиняющие почтеннейшего Михаила Александровича в русском шпионаже, позволяют задуматься: а вдруг?

Жуть, не правда ли?

...Но все же. Если все было бы именно так, это был бы не Бакунин.

За всем внешним и внутренним негативом нашего героя прячутся бескрайние душа его и страсть. И в какой-то момент они перестают скрываться. Напротив, они затапливают все, что вы прочли. И тонут в них не только бакунинские грешки-грешиски, все праведники девятнадцатого века в них тонут, революционные и анти-

ПРЕДИСЛОВИЕ

А уж те, кто величают себя деятелями современной оппозиции, они и ручками взмахнуть не успевают. Им, гламурным, предсказуемым и неинтересным, только и остается, что пускать жалкие пузыри.

ЧАСТЬ 1

Вербовка философией

О Бакунине можно писать сказку. Его личность окружена невылазными анекдотами, легендами, сценами уморительными, трогательными или драматическими.

А.А. Блок.

Если Вы не состоите на жаловании у полиции, то в одном не может быть и сомнения: ни один оплаченный агент не смог бы причинить столько вреда, сколько причинили вы.

Ф. Энгельс — М. Бакунину.

Бакунин во многом виноват и грешен, но в нем есть нечто, что переживает все его недостатки, — это вечно движущееся начало, лежащее в глубине его духа.

В.Г. Белинский.

ГЛАВА 1

Семья и Система

Отправной точкой формирования личности Бакунина, панковской и революционной, принято считать увлечение идеями Фихте и Гегеля. Но каковы были предпосылки этих увлечений и что заставило полезть его в эти заумные книги?

Я выделю три причины. В первую голову — вольнодумствующий отец, во вторую — обучение Михаила в артиллерийском училище и последующая недолгая служба; и, наконец, третья причина — женщины.

...Сведения о детстве и отрочестве Бакунина не отличаются разнообразием. Главным биографом, чьи труды именно в этой части следует признать наиболее полными, является Александр Корнилов. В свое время в руки этого человека попал так называемый «премухинский архив», значительную часть его составляла переписка членов многочисленного бакунинского семейства. Это позволило написать Александру Александровичу в 1915 году двухтомник под названием «Молодые годы Михаила Бакунина: из истории русского романтизма», а в 1925-м — «Годы странствий Михаила Бакунина».

Метрика Корнилова говорит о том, что Михаил, или Мишель (именно так его называли родные и знакомые, так будем называть и мы), родился «8/20 мая 1814 года в селе Премухине Новоторжского уезда Тверской губернии».

Семья, даже по тем временам, огромна. Отец и мать, братья — Алексей, Александр, Илья, Николай, Павел, четыре

сестры — Татьяна, Варвара, Любовь, Александра. Была и еще одна сестра — София. Про нее биографы не вспоминают. Не прожив двух лет, она умерла.

Род Бакуниных старинный и «породистый», по утверждению Корнилова происходил от польского короля Стефана Батория. У работников музея Бакуниных «Прямухино»¹ (единственного музея семьи в нашей стране) другое мнение. Там считают, что род Бакуниных берет начало от венгров. Подтверждением служит запись в Дворянской родословной книге Тверской губернии, где засвидетельствован факт приобретения усадьбы Михаилом Васильевичем Бакуниным в 1779 году. Согласно записи, родоначальником рода является Зенислав Бакунин, потомок одного из древних Трансильванских домов. В конце пятнадцатого века он приехал в Россию и поступил на службу. Вместе с ним в Россию перебрались два брата, все они получили русские имена.

В музее хранится герб семьи. Два бравых усатых гусара с пиками, в красных мундирах, стоят на зеленом холмике, по бокам центральной части герба. Верхнюю часть украшает волчья челюсть, на нижней изображен дуб. Челюсть означает стойкость, дуб — могущество.

И то, и другое было свойственно нашему герою. Ну, и кровь предков, собственно, куда без нее. Пройдет два с лишним десятка лет после его рождения, и самый шумный из Бакуниных будет мечтать о мощном восстании славян с непременною участием мадьяров.

Однако древние европейские корни — не главное достоинство семьи. По линии отца, как и по линии матери, много было выдающихся служак. Взять хотя бы Петра

---

¹ Уже в двадцатом веке село Премухино стали называть «Прямухино». Рассказывая о делах лет давно минувших, будем придерживаться первого варианта.

Васильевича-меньшого (1731–1786). Один из первых «крымнашевцев», он принимал деятельное участие в присоединении полуострова в 1777 году. Еще раньше, в 1774-м, как утверждал М. А. Фонвизин, Бакунин-меньшой открыл Григорию Орлову обстоятельства и участников заговора, направленного на свержение Екатерины Второй.

Александр Михайлович Бакунин (отец Мишеля) состоял в родстве с Гавриилом Державиным, дочь его двоюродного брата — Екатерина Павловна была юношеской любовью Пушкина, которую называют истинно «пиитской». Свою первую любовную лирику он посвящал именно ей.

Напрасно воспевать мне ваши именины
 При всем усердии послушности моей;
 Вы мне милее в день святой Екатерины
 Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

«Ее брат, — писал тверской краевед Владимир Сысов, — Александр Павлович Бакунин, учился в Царскосельском лицее на одном курсе с Пушкиным, и, несмотря на то, что был в молодые годы членом декабристских и тайных лож, с 1842-го по 1857 год занимал должность тверского гражданского губернатора. Однако общения с прямухинскими родственниками он избегал, поскольку считал, «что вся семья — отец, мать, братья и сестры — бунтовщики и либералы...».

Отчасти, Александр Павлович, как и всякий аккуратный аппаратчик, готовый ради карьеры и от матери родной отказаться, был прав. Мишель, конечно же, — бунтовщик. Два его брата, Николай и Александр, тоже посетят Петропавловку далеко не с экскурсионными целями, это произойдет в шестидесятые. Их там заточат за критику царской рефор-

мы, но вскоре выпустят. Либералы, но все же не бунтовщики. Женщин отмечаем сразу, что бы те ни думали, кто их опасность тогда воспринимал всерьез?

С отцом — несколько сложнее.

«Отец... — пишет об Александре Михайловиче Корнилов, — некогда служил по дипломатической части, был атташе при русском посольстве во Флоренции и Неаполе, где жил, не выезжая в Россию... до 35 лет, а затем, выйдя в отставку, поселился в своем поместье...»

Романтичная, идеалистическая личность, Александр Михайлович умел играть на фортепиано, вести светские беседы, писал стихи. Одно из них приводится биографом в «Годах странствий Михаила Бакунина»:

Приди хандра, мой гений мощный,
Восторг изношенной души,
И тьмы чернее полунощной
Плачевную мне песнь внуши!

Летучи мыши, соберитесь,
Умолкни филин и сова,
Могильны камни, встрепенитесь —
Послушайте мои слова!

Без спросу моего природа
Меня на свет произвела,
Где ж мнимая моя свобода,
Где произвольные дела?

Как флюгер ветров дуновеньем
Вкруг оси вертится своей,
Невольню я влекусь волненьем,
Не мною созданных страстей,

Младенчество — была неволя,
Вступенье в круг людской — ярмо,
И старец, уезжая с поля,
Уносит рабское клеймо, —

Клеймо напрасного боренья,
Обезображенный провал
Ужасного землетрясения,
Разбитой радости фиал.

И что за радости — мечтанья?
Во тьме кромешной — светлый миг,
Чтоб смертный ужасы страданья
Больнее своего постиг.

За что же требовать ответа?
Кто позовет его на суд?
Могу ли я, лишенный света,
Найти предписанный мне путь,

Которого я нить теряю,
Невольню ощупью тащась,
То лбом о камни ударяя,
То попадая прямо в грязь.

Из этого стихотворения уже понятно, что отец нашего героя не просто помещик-службист.

Писатель, журналист и культуролог Юрий Безелянский отмечает: «Отец семейства пытался воплотить в воспитании дух Просвещения. В доме говорили на пяти языках, много читали, обсуждали, детей учили музыке и рисованию. В год рождения Михаила отец написал памятку о воспитании детей, где подчеркнул, что он должен приобретать

любовь своих детей «ласковым, дружеским и снисходительным обращением, искренностью», убеждать их в истине «советами, примерами, рассудком, а не отеческой властью...».

Думающий и романтичный, внешне Александр Михайлович был вполне себе государственный, и революционером мог стать только в своих мыслях, причем весьма эпизодических мыслях, могущих возникнуть по причине очередного проявления совсем уж откровенного царского беспредела. И они возникали, конечно, но тут же уходили обратно, в чулан его благородной души. Мысли о свержении режима — для него были табу. Никакого насилия, только реформы.

Известно, что Михаил Муравьев присылал Александру Михайловичу проект устава Союза Благоденствия. Ответ Бакунина-старшего был таким: «...Не путем анархии, насилий и заговоров против правительства мы можем достигнуть благоденствия, но распространяя в народе любовь к труду, трезвости, порядку, чистоплотности и честности; ознакомляя его с ремеслами и искусствами и развивая просвещение».

Чего же больше в такой позиции, государственного или либерального? Одно в нем дополняло другое, и одно другое не перевешивало. Такими, пожалуй, и должны быть государственные мужи.

От отца Бакунин унаследовал страсть к познанию и бесконечную, идущую сквозь все его годы рефлексивность. Правда, если отец, обременённый множеством обязательств, не мог раздуть находящийся внутри его огонек, то Мишель, желавший жить бродягой «без родины и флага», отыгрался и за себя, и за папу по полной программе. И кто знает, быть может, несмотря на регулярную критику своего непутевого сына — уже юноши, а потом и мужа, старик Бакунин в глубине души своей, в тайне восхищался им и завидовал

революционной его жизни. Он все же был соткан из противоречий, Александр Михайлович, и это их с Мишелем объединяло.

Что же мать?

Варвара Александровна Муравьева — так ее звали в девичестве, дочь бригадира артиллерии Александра Федоровича Муравьева, была младше своего супруга на двадцать четыре года. «Через нее, — пишет Корнилов, — Бакунин был в родстве с семейством Муравьевых, давших России, с одной стороны, Михаила Николаевича Муравьева-Вилenskого, известного усмирителя польского восстания на Литве и прозванного «вешателем», а также Николая Николаевича Муравьева-Амурского, впоследствии сыгравшего некоторую роль в жизни Бакунина...»

Корнилов утверждает, что мать Бакунина была черствой, наполненной предрассудками женщиной, и Мишель ее не любил.

В доказательство этому приводятся выдержки из писем Мишеля сестрам:

«...мать же нашу я проклинаю, для нее в моей душе нет места другим чувствам, кроме ненависти и самого глубокого, решительного презрения — не за себя, а за вас, которых она погубила».

Еще одна выдержка, уже из другого письма:

«Вы должны быть счастливы наперекор врагам или, лучше сказать, врагу нашему — матери, для которой в душе моей нет другого чувства, кроме проклятий и самого глубокого презрения. Она — источник нечистоты в нашем семействе, ее присутствие, ее существование есть оскорбление святыни, она отравила жизнь моих сестер, за что я ее проклинаю».

Стоит отметить, однако, что эти проклятия Мишель выскребал пером, находясь в сороковые годы за границей, без денег, поставленный на край финансовой пропасти, нищий

студент, готовый вот-вот умереть. Вспоминал деспотичный нрав матери, противоречащий его гегельянским идеям, исходя желчью. Но спустя несколько лет, будучи арестантом русской тюрьмы, он запоет совсем по-другому.

Как общался Мишель с матерью в детстве, Корнилов и прочие биографы не пишут. Из труда Сыроева можно сделать вывод о следующем разделении родительских обязанностей. Отец для семьи был кем-то вроде аятоллы Хомейни. Он закладывал базовые установки: доброта, любовь, справедливость, вел хозяйство и уходил в «свободное от работы время» в занятия поэзией. Мать занималась детьми более предметно: музыка, рисование, грамота.

Взглянув на детский портрет Мишеля, сразу же берут сомнения, что этот мальчик (похож на малолетнего Пушкина) был проникнут злобой к кому-либо. Мальчик, любивший читать, умевший хорошо рисовать и играть на скрипке. Побаиваться, впрочем, свою мать он мог. Но все-таки в детстве, живший в атмосфере добра, любви, патриотизма и поэзии, Миша не должен был ее ненавидеть.

Скорее всего, традиционной материнской ласки в ее поведении не было. В переписке мы не встретим никаких «уси-пуси» с ее стороны, да и писала-то она исключительно по делу. Женщина, скорее всего, лишенная каких-то глубинных художественных талантов, строгая, Варвара Николаевна была не только самым рациональным членом этой семьи, но и ее серым кардиналом.

Она настойчиво пыталась выдавать дочерей «за кого надо». Отец как-то стоял в стороне от этого, фактически не вмешивался. Зато для Мишеля одна из «брачных операций» стала первым революционным полигоном, позднее рассмотрим и это.

Любила ли мать своего сына — некогда умньего, послушного мальчика, а потом отъявленного бунтаря? Да,

любила. Она, по всей видимости, относилась к тому типу женщин, которые не афишируют своей любви, но доказывают ее делами. Именно она больше кого-либо из родственников обивала пороги чиновничьих кабинетов, когда Мишель содержался в тюрьме. Именно она писала письма царю, умные и логичные письма, в нужный момент.

И направить четырнадцатилетнего романтического и социально неадаптированного Мишеля (обучался на дому) в военное училище наверняка изначально было ее идеей. Перелистнем несколько страниц назад и вспомним, кто ее папенька. Не лишним будет добавить, что в родственниках ее был и другой бравый вояка — генерал-фельдмаршал Кутузов.

Насколько эту идею можно назвать удачной? Для родителей она — неудачная, это точно. Благие мысли обернулись невероятнейшей глупостью. Милого изнеженного мальчика, и в казарму.

Воспитанный в атмосфере дворянской беспечности, Мишель мало задумывается о несправедливости и грязи жизни. А ведь его родители — помещики! У помещиков — куча крепостных душ, они обеспечивают рабским трудом уют Премухинского поместья! Крепостничество — куда уж уродливее явление? Все происходит у него на глазах, все — под боком. Но для него это явление пока само собой разумеющееся. Отцовское воспитание, первые годы военного училища, думы его чисты и возвышенны, он — патриот, он — преданный сын Руси-матушки.

«Эти стихи прелестны, не правда ли, дорогие родители? — пишет он, прочитав стихотворение Пушкина «Клеветникам России». — Они полны огня и истинного патриотизма, вот каковы должны быть чувства русского. Пушкин озаглавил их сначала: «Стихи на речь, говоренную генералом Лафайетом», но цензура изменила это на-

звание и поставила: «Клеветникам России». Этот старик Лафайет — большой болтун и гений-разрушитель, был из первых деятелей революции в Соединенных Штатах и в двух французских революциях, он хотел бы поколебать и русских. Но нет! Русские — не французы, они любят свое отечество и обожают своего государя, его воля для них — закон, и между ними не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и для блага родины».

И все-таки военное училище — есть военное училище. Под внешней оболочкой муштры и патриотизма может скрываться черт знает что. Это на первых годах обучения — все строго по уставу, «равняйся, смиренно» и нет круче авторитета, чем отец-командир. А на выпуске — летят из окон казарм старшекурсников телевизоры, разбиваются об асфальтированный плац, только успевают подметать первокурсники. Нравы девятнадцатого века не сравнить с нашими, но что-то подобное наверняка случалось. Последний год — контроль старших офицеров ослабевает, и увольнительных куда больше, и пускаются ребята во все тяжкие, то, что было закупорено в них в последние год-два, вырывается наружу.

Я помню это по школе милиции. Омская высшая школа милиции. Первый курс — казарма, второй — послабление режима, третий — можно уже не в казарме жить. А потом начинается что-то вроде естественного отбора. Кто-то дерется на дискотеках, кто-то употребляет наркотики и так далее. Морально устойчивые держатся, остальные (справедливости ради отмечу, немногие), пускаются во все тяжкие и пропадают.

Что-то вроде этого, надо думать, было и полтора века назад: пьянство-гусарство. Со всеми вытекающими.

Спустя годы Мишель опишет родителям свои ощущения последнего года пребывания в училище:

«...До сих пор душа и воображение мои были чисты и девственны, они ничем еще не были замараны; в артиллерийском же училище я вдруг узнал всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни. И если даже я не впал в пороки, которых я был частый свидетель, то, по крайней мере, привык к ним до такой степени, что они не только не приводили меня в омерзение, но даже не удивляли меня. Сам же я привык лгать, потому что искусная ложь в нашем юнкерском обществе не только не считалась пороком, но единогласно одобрялась...»

В эти годы Мишель не только отведал алкоголя, научился безобразничать и врать. Он постиг первые азы мошенничества.

«...Во мне совершенно заснула всякая духовность, я лгал, выпрашивал у Княжевича денег, под благовидными, выдуманными мною предложениями... В это время один из юнкеров заставил меня сделать два векселя, я сам сделал несколько долгов...»

Впоследствии уроки «развода» чудака с величественной фамилией Княжевич и прочих господ ему пригодятся и сыграют в его «успехах» далеко не последнюю роль.

Служба Бакунина тяготит. Будучи военным, он занимается всем, чем угодно, только не военными делами.

В одном из писем родителям он докладывает, что усиленно занимается самообразованием и самовоспитанием, ибо без этого в наше время — никак, не будешь заниматься самообразованием, собьешься с «пути к счастью».

Сестрам хвастается более детально. Изучаю, мол, русский язык, русскую историю, статистику. «Писать, говорить по-русски, знать отечественную историю, знать, одним словом, святую Русь — нужно русскому».

Похоже, в этих письмах Мишель пускает пыль в глаза. Письмо требует объема, и о чем же писать? О ненависти к службе? Перебарщивать с этим, понимает заботливый сын, не следует. Поэтому о нейтральном, и в тоже время, чтобы бальзам на душу. История, Русь, язык — истинный дворянский сын, истинный патриот.

Что же касается собственно воинской службы, то тут его поведение представляет что-то среднее между поступками юного панка и вконец обнаглевшего дембеля.

Корнилов рассказывает о забавном эпизоде, когда в начале 1834 года Бакунин, молодой офицер, вышел на улицу одетый не по форме и столкнулся с генералом Сухозанетом, начальником артиллерийского училища.

«Генерал грубо сказал ему: «Уж если надел ливрею, то носи ее как полагается». Бакунин заявил, что не надевал ее и надевать не собирается. Это было сочтено за дерзость...»

Будущий друг и соратник Александр Иванович Герцен описывает его поведение в артиллерийском парке (современным языком выражаясь, воинская часть). «Бакунин, кончив курс в артиллерийском корпусе, был выпущен в гвардию офицером... Брошенный в какой-то потерянной белорусской деревне, со своим парком, Бакунин одичал, сделался нелюдимом, не исполнял службы, и дни целые лежал в тулупе на своей постели. Начальник парка жалел его, но делать было нечего, он ему напомнил, что надобно или служить, или идти в отставку».

Бакунин даже и не подозревал, подтрунивает Герцен, что с воинской службы можно уволиться по собственному желанию.

...Узнав о решении Мишеля, отец ошарашен. Как так? Как теперь ты будешь жить? Кем ты себя видишь? Но заботливый сын не спешит открывать свое истинное лицо, лицо вольного стрелка и свободного художника. В этом конфлик-

те сын подготавливает «подушку безопасности» и для себя, и для родителей. Он вербует себе в союзники родственника по линии матери — Николая Назарьевича Муравьева. Это пожилой, добрый и мудрый человек. Бывший моряк, руководящий работник канцелярии Московского университета, экс-вице-губернатор Новгородской губернии. В начале тридцатых Мишель часто гостит у старика и производит на того глубочайшее впечатление искренней тягой к знаниям, смелыми, нетривиальными взглядами на жизнь.

Не исключено, что по просьбе своего юного друга Николай Назарьевич пытается успокоить родителей несколькими своими письмами. Дескать, что уж тут, пусть мальчик будет счастлив, не нравится ему воинская служба, зачем же мучать себя, плохо это.

Впоследствии отец и тот же Муравьев пытались устроить Мишеля на статскую службу, но ничего путного, кроме развития чуткой наблюдательности и ненависти к государственной машине, это не принесло.

«Все чиновники крадут самым циничным образом, — напишет он спустя четырнадцать лет после увольнения из армии в работе «Русские дела», — это является настолько общим правилом, это считается настолько тесно связанным со службою, что начальник, в крайнем случае, попрекнет своего подчиненного разве тем, что тот не по чину берет. Это разложение составляет необходимое следствие нищенских окладов, получаемых бедною по своему происхождению массою чиновников, также и того безобразного положения, что никаких моральных понятий о долге в принципе для них совершенно не существует, да и не может существовать ввиду безусловного послушания и полнейшей несамостоятельности, которые требуются от каждого хорошего русского чиновника в качестве его первой и единственной обязанности... Обман настолько здесь укоренился,

что чиновник, имеющий идеальное представление о своих обязанностях, рассматривается остальными как враг... Честный человек среди воров должен погибнуть... Он должен уйти, «он якобинец, он не хочет брать взятки!», — говорят о нем, и высшее начальство в своих собственных интересах помогает отделяться от чудака, позволившего себе иметь иное понятие о государственной службе. Видимость — вот все, что требуется России от хорошего чиновника; видимость приносит повышение в чине, ордена и деньги, существо же ведет в Сибирь».

Отказ служить, несомненно, — удар для родителей.

«Чем ты будешь заниматься, сын? — в отчаянии вопиет отец. — Пропадешь, сгинешь! Мы не сможем содержать тебя!»

«Ничего страшного, папа! — успокаивает его сын. — Не беспокойтесь, я буду репетиторствовать и прокормлю себя сам».

В 1835 году Бакунин порывает с государственной службой и отправляется на «вольные хлеба», уезжает из Петербурга в Москву.

В Москве он ищет то, что необходимо его мятежной, рвущейся к совершенствованию душе, и находит это в кружке Станкевича.

Аксаков и Боткин, Белинский и Грановский, через этот кружок прошли многие писатели, поэты, ученые. Основанная в 1831 году студентом Н.В. Станкевичем полуподпольная молодежная полусекта, была одной из первых групп, которым приписывается инициация пробуждения общества, которое уснуло после подавления восстания декабристов. Однако, в отличие от кружка, которым руководил Герцен, «станкевичи» уделяли больше внимания изучению философии и литературы, нежели вопросам общественно-политического характера.

Кружковцы собирались в квартире у Коли Станкевича на Дмитровке в доме В.Г. Павлова. Атмосфера царила дружеская и веселая.

Константин Аксаков вспоминает:

«В 1832 году лучшие студенты собирались у Станкевича. Это были все молодые люди, еще в первой поре своей юности... Товарищество, общие интересы, взаимное влечение связывали между собою человек десять студентов. Если бы кто-нибудь заглянул вечером в низенькие небольшие комнаты, наполненные табачным дымом, тот бы увидел живую, разнообразную картину: в дыму гремели фортепианы, слышалось пение, раздавались громкие голоса... за фортепианами сидел молодой человек прекрасной наружности; темные, почти черные волосы опускались по вискам его, прекрасные, живые, умные глаза одушевляли его физиономию...»

Молодым человеком прекрасной наружности был сам Станкевич. Не только кружковцы, но и современники его обожали. «Необыкновенный человек», «гениальная душа», «божественная личность», «гордость и надежда» — так они отзывались о нем.

Пай-мальчиком, однако, представлять его не стоит. Живи он в советские, например, годы, без детской комнаты милиции наверняка бы не обошлось.

«Одна из шалостей Коли, — пишет в своей книге «Гнезда русской культуры» литературовед Юрий Манн, — привела к печальным последствиям — сгорел барский дом, а по другим сведениям, даже вся деревня. Пожар произошел оттого, что мальчик, стреляя из детского ружья, попал в соломенную крышу. Искра тлела незаметно, и вспыхнувшее пламя мгновенно охватило весь дом».

...Рассказы о пожаре — не легенда. В одном из более поздних писем Станкевича к Неверову мы находим под-

тверждение случившемуся. «19 июля 1832 года, село Удеревка. Знаменитое число! Сегодня ровно одиннадцать лет, как я сжег деревню, будучи семилетним мальчишкой...»

Бакунин попадает в подходящую ему компанию, и его появление наполняет жизнь кружка новым дыханием. Мишель уже увлечен идеями Фихте, он же заражает ими и остальных кружковцев. Впоследствии креативные дворянские дети «западают» и на Гегеля.

Уже здесь, в кружке, о Мишеле начнут говорить как о пламенном трибуне. Говорить хорошо и плохо. Кого-то он восхитит своим умом и ораторскими данными, кого-то, напротив, оттолкнет узурпаторскими выходками, желанием внести сумятицу и подмять коллектив под себя.

Бакунин стремительно формируется как личность и мыслитель. С такой же стремительностью он вышвыривает себя из общества, превращаясь в того самого «лишнего человека».

Женщины довершат это дело.